

В. Г. Белинский

**Кальян. Стихотворения
Александра Полежаева...
Арфа. Стихотворения...**

Виссарион Григорьевич Белинский

**Кальян. Стихотворения
Александра Полежаева...
Арфа. Стихотворения
Александра Полежаева**

«...В созданиях поэта – его дух, его жизнь. Полежаев был рожден великим поэтом, но не был поэтом: его творения – вопли души, терзающей самое себя, стон нестерпимой муки субъективного духа, а не песни, не гимны, то веселые и радостные, то важные и торжественные, прекрасному бытию, объективно созерцаемому. Истинный поэт не есть ни горлица, тоскливо воркующая грустную песнь любви, ни кукушка, надрывающая душу однообразным стоном скорби, но звучный, гармонический, разнообразный соловей, поющий песнь природе... Создания истинного поэта суть гимн богу, прославление его великого творения...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Кальян. Стихотворения
Александра Полежаева...
Арфа. Стихотворения
Александра Полежаева**

КАЛЬЯН. Стихотворения Александра Полежаева. Москва. 1838. В типографии В. Кириллова. 186. (32).

АРФА. Стихотворения Александра Полежаева. 1838. В типографии В. Кириллова. 116. (12).

Обе эти книжки содержат в себе последние, уже замирающие, глухие звуки и полужвуки некогда звонкой и гармонической лиры. Полежаев прославился своим талантом, который резко отделился своею силою и самобытностью от толпы многих знаменитостей, по видимому, затемнявших его собою; но волнуемый пылкими необузданными страстями, он присовокупил к своей поэтической славе другую славу, которая была проклятием всей его жизни и причиною утраты таланта и ранней смерти... Мир праху его... никто не смеет изречь приговор ближнему... Мир праху твоему, поэт!.. {1}

Невольно взялись мы за «Стихотворения Полежаева», изданные в 1832 году, и прочли их. В созданиях поэта – его дух, его жизнь. Полежаев был рожден великим поэтом, но не был поэтом: его творения – вопли души, терзающей самое себя, стон нестерпимой муки субъективного духа, а не песни, не гимны, то веселые и радостные, то важные и торжественные, прекрасному бытию, объективно созерцаемому. Истинный поэт не есть ни горлица, тоскливо воркующая грустную песнь

любви, ни кукушка, надрывающая душу однообразным стоном скорби, но звучный, гармонический, разнообразный соловей, поющий песнь природе... Создания истинного поэта суть гимн богу, прославление его великого творения... В царстве божием нет плача и скрежета зубов – в нем одна просветленная радость, светлое ликование, и самая печаль в нем есть только грустная радость... Поэт есть гражданин этого бесконечного и святого царства: ему бог дал плодотворную силу любви проникать в таинства «полного славы творчества»{2}, и потому он должен быть его органом... Вопли растерзанного духа, сосредоточение в скорбях и противоречиях земной жизни доказывают пребывание на земле и только тщетное порывание к светлему, голубому небу – подножию престола вездесущего... Вот почему мы не оставляем имени поэта за Полежаевым и думаем, что его песни, нашедшие отзыв в современниках, не перейдут в потомство{3}. Плачевных и скорбящих поэтов великий поэт Гете характеризовал эпитетом *лазаретных* и этим вполне определил их отрицательное значение в области искусства...

И однако ж природа одарила Полежаева могучим талантом: только этому таланту не суждено было развернуться и расцвести пышным цветом. Жизнь сделала его субъективным, а субъективность – смерть поэзии, и ее произведения – поэтический пустоцвет, который тешит взор минутным блеском и запахом, а плода не приносит. Почему было так, а не иначе, почему поэту не суждено было прозреть и в бесконечном чувстве бесконечной любви найти разрешение и примирение противоречий бытия?.. На это один ответ: да будет благословенна воля провидения!..

С содроганием сердца читаешь эту страшную исповедь жизни:

*О, для чего судьба меня сгубила,
Зачем из цепи бытия
Меня навек природа исключила,
И страшно вживе умер я!*

.....

*Я сын погибели и зла!
Зачем же я возник, о провиденье,
Из тьмы веков перед тобой?
О, обрати опять в уничтоженья
Атом, караемый судьбой!*

*Земля, раскрой несытую утробу,
Горящей Этной протечи,
И – бурный вихрь – тоску мою и
злобу
И память с теплом развлеки!{5}*

Но это ужасное признание могло быть навеяно минутою отчаяния – но вот тихое и скорбное сознание своего падения:

*Я увял – и увял
Навсегда, навсегда!
И блаженства не знал
Никогда, никогда!
И я жил, но я жил
На погибель свою...
Буйной жизнью убил
Я надежду мою...
Не расцвел и отцвел
В утро пасмурных дней;
Что любил, в том нашел
Гибель жизни моей.
Дух уныл, в сердце кровь
От тоски замерла,
Мир души погребла
В шумной воле любовь...
Не воскреснет она!
Я надежду имел
На испытных друзей,*

Но их рой отлетел
При невзгоде моей;
Всем постылый, чужой,
Никого не любя,
В мире странствую я,
Как вампир гробовой!..
Мне противно смотреть
На блаженство других
И в мучениях злых
Не сгораючи тлеть...
Не кропите меня
Вы, росинки дождя:
Я не цвет полевой,
Не губительный зной
Пролетел надо мной!
Я увял – и увял
Навсегда, навсегда,
И блаженства не знал
Никогда, никогда!{6}

Это грустное убеждение в необходимости и неизбежности своего падения без надежды на восстание с не меньшей силою выразилось и в этих прекрасных стихах:

Ах, кто мечте высокой верил,
Кто почитал коварный свет
И на заре весенних лет
Его ничтожество измерил;

Кто погубил, подобно мне,
Свои надежды и желанья;
Пред кем разрушились вполне
Грядущей жизни упованья;
Кто сир и чужд перед людьми,
Кому дадут из сожаленья
Иль ненавистного презренья
Когда-нибудь клочок земли...
Один лишь тот меня оценит,
Моей тоски не обвинив,
Душевным чувствам не изменит
И скажет: так, ты несчастлив!
Как брат к потерянному брату,
С улыбкой нежной подойдет,
Слезу страдальную прольет
И разделит мою утрату...

.....
Лишь он один постигнуть мо-
жет,
Лишь он один поймет того,
Чье сердце червь могильный гло-
жет.
Как пальма в зеркале ручья,
Как тень налетная в лазури,
В нем отразится после бури
Душа унылая моя!..
Я буду – он, он будет – я!..
В одном из нас сольются оба! —

*И пусть тогда вражда и злоба,
И меч, и заступ гробовой
Гремят над нашей головой!.. {7}*

Этот характер мрачного отчаяния и тяжелой скорби лежит на большей части сочинений Полежаева, но с его лиры срывались и торжественные звуки примирения и гармонические аккорды явлений жизни. Кому не известно его стихотворение «Провидение», в котором, после ужасов падения, он так торжественно воспел свое мгновенное восстание? {8}

*Я был готов
Без тайной власти
Сорвать покров
С моих несчастий...
Последний день
Сверкал мне в очи,
Последней ночи
Я видел тень,
И в думе лютой
Все решено;
Еще минута
И ... свершено!
Но вдруг нежданный
Надежды луч,*

Как свет багряный,
Блеснул из туч;
Какой-то скрытый,
Но мной забытый
Издавна бог
Из тьмы открытой
Меня извлек!..
Рукою сильной
Остов могильный
Вдруг оживил,
И Каин новый
В душе суровой
Творца почтил!
Непостижимый,
Он снова влил
В грудь атеиста
И лжесофиста
Огонь любви!
Они снова дни
Тоски печальной
Озолотил
И озарил
Зарей прощальной!

Гори ж, сияй,
Заря святая!
И догорай,
Не померкая!..

Подобный же момент восстания с не меньшей поэзией выражен в этих стихах:

*О нет! свершилось!.. жар мятеж-
ный
Остыл на пасмурном челе:
Как сын земли, я дань земле
Принес чредою неизбежной:
Узнал бесславие, позор,
Под маской дикого невежды (?);
Но пред лицом Кавказских гор
Я рву нечистые одежды!
Подобный гордостью горам,
Заметным в безднах и лазури,
Я воспарю, как фимиам,
С цветов пустынных к небесам
И передам моим струнам
И рев и вой минувшей бури!.. {9}*

Кому не известно его стихотворение «Песнь пленного ирокезца» – это поэтическое создание, достойное великого поэта? Кому не известно его «Море», которое «измерил он жадными очами» и «пред лицом которого поверил он силы своего духа?» Кому не известен его «Бальтасар», переведенный из Байрона? Некоторые песни его также принадлежат к перлам его поэзии. Но самое лучшее, можно

сказать, гигантское создание его гения, вышедшее из души его в светлую минуту откровения и мирового созерцания, есть стихотворение «Грешница», напечатанное в 20 № «Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду»»{10}. Вот оно:

*И говорят ему: «Она
Была в грехе уличена
На самом месте преступленья;
А по закону, мы ее
Должны казнить без сожаленья:
Скажи нам мнение свое».*

*И на лукавое воззванье,
Храня глубокое молчанье,
Он нечто – грустен и уныл —
Перстом божественным чертил.*

*И наконец сказал народу:
«Даю вам полную свободу
Исполнить праотцев закон:
Но где тот праведный, где он,
Который первый на блудницу
Поднимет тяжкую десницу?..»*

*И вновь писал он на земле.
Тогда, с печатью поношенья*

*На обесславленном челе,
Сокрылись дети ухищренья —
И пред лицом его одна
Стояла грешная жена.*

*И он с улыбкой благотворной
Сказал: «Покинь твою боязнь.
Где твой сенедрион упорный?
Кто осудил тебя на казнь?»*

*Она в ответ: «Никто, учитель!»
«И так и я твоей души
Не осужу, — сказал спаситель, —
Иди в свой дом — и не греши».*

С первого разу может показаться странным, что Полежаев, которого главная мука и отравка жизни состояла в сомнении, с жадностью переводил водяно-красноречивые лирические поэмы Ламартина;^{11} но это очень понятно, если взглянуть на предмет попристальнее. Крайности соприкасаются, и ничего нет естественнее, как переход из одной крайности в другую... Кроме того, Полежаев явился в такое время, когда стихотворное ораторство и риторическая шумиха часто смешивалась с поэзией и творчеством. Этим объясня-

ются его лирические произведения, писанные на случаи, его «Кориолан» и другие пьесы в этом роде. Недостаток в развитии заставил его писать в сатирическом роде, к которому он несколько не был способен. Его остроумие – тяжело и грубо. Недостаток же развития помешал ему обратить внимание на форму, выработать себе послушный и гибкий стих. И потому, отличаясь часто энергической сжатостью выражения, он иногда впадает в прозаическую растянутость и между прекрасными стихами вставляет стихи, отличающиеся странностью, изысканностью и неточностью выражения.

Кто не идет вперед, тот идет назад: стоячего положения нет. Второе собрание стихотворений Полежаева, изданное в 1833 году под титулом «Кальян», было несравненно ниже первого. Даже лучшие пьесы – пополам с риторической водою. Только одна «Цыганка» блещет ярким цветом художественной формы.

*Кто идет перед толпою
На широкой площади,
С загорелой красотою*

На щеках и на груди?
Под разодранным покровом,
Проницательна, черна,
Кто в величии суровом
Эта дивная жена?

Вьются локоны небрежно
По нагим ее плечам,
Искры наглости мятежно
Разбежались по очам,
И страшней ударов сечи,
Как гремучая река,
Льются сладостные речи
У бесстыдной с языка.
Узнаю тебя, вакханка
Незабвенной старины:
Ты, коварная цыганка,
Дочь свободы и весны!
Под узлами бедной шали
Ты не скроешь от меня
Ненавистницу печали,
Друга радостного дня.
Ты знакома вдохновенью
Поэтической мечты,
Ты дарила наслажденью
Африканские цветы.
Ах, я помню, но ужасно
Вспоминать лукавый сон!

*Фараонка, не напрасно
Тяготит мне душу он!
Пронеслась с годами сила,
Я увял – и наяву
Мне рука твоя вручила
Приворотную траву!*

Сколько игры, переливов поэтического
блеска и в этом, впрочем, не совсем выдер-
жанном стихотворении – «Ахалук»!

*Ахалук мой, ахалук,
Ахалук демикотонный,
Ты – работа нежных рук
Азиятки благосклонной!
Ты родился под иглой
Отагинки чернобровой,
После робости суровой
И любви во тьме ночной!
Ты не пышной пестротой,
Цветом гордых узденей,
Но смиренной простотой,
Цветом северных ночей
Мил для сердца и очей...
Черен ты, как локон длинный
У цыганки кочевой,
Мрачен ты, как дух пустынный,
Сторож урны гробовой.
И серебряной тесьмою,*

*Как волнистую струю
Дагестанского ручья,
Обвились твои края.
Никогда игра алмаза
У Могола на чалме,
Никогда луна во тьме,
Ни чело твое, о База,
Это бледное чело,
Это чистое стекло,
Споря в живости с овалом,
Под ревнивым покрывалом,
Не сияли так светло!
Ах, серебряная змейка,
Ненаглядная струя —
Это ты, моя злодейка,
Ахалук суровый – я!*

Только этими двумя стихотворениями «Кальян» напомянул о прежнем Полежаеве: остальное все или пресная вода, или вино пополам с пресною водою. Теперь «Кальян» издан во второй раз, в 16-ю долю листа, на серой бумаге, неуклюжими и слишком крупными для формата буквами, с ужаснейшими опечатками и грамматическими ошибками и, наконец, с дурно вылитогографированным портретом автора.

В «Арфе» заключаются последние стихи Полежаева, еще более свидетельствующие о постепенном замирании его таланта. Только в стихотворении «Грусть», известном читателям нашего журнала{12}, виден прежний Полежаев, с его бойким, разгульным стихом и неизменной грустью... В пьесе «Черные глаза», которой половина тоже напечатана в «Наблюдателе», искры поэзии сверкают сквозь массу грубой руды; вторая половина ее – голая риторика. В «Кориолане», поэме, заключающей в себе более трехсот стихов, не наберется и десяти поэтических стихов. Из уважения к памяти поэта издателям не следовало бы помещать таких пьес, как «Автор и читатель» – пьеса, исполненная грубого и тупого остроумия. Замечательно в «Арфе» стихотворение «Баюшки-баю», невыдержанное, местами дико-грубое, но местами же и превосходное.

*В темной горнице постель;
Над постелью колыбель;
В колыбели, с полуночи,
Бьется, плачет что есть мочи
Беспокойное дитя.*

*Вот, лампаду засветя,
Чернобровка молодая
Суетится, припадая
Белой грудью к крикуну —
И лелеет, и ко сну
Избалованного клонит,
И поет и тихо стонет...[1]*

За этими стихами следует песня самого дурного тона, где нянька называет ребенка и буянном и пострелом; и в то же время желает ему быть генералом; но окончание пьесы – в высшей степени поэтическое.

*Свет потух над генералом
Чернобровка покрывалом
Обернула колыбель —
И ложится на постель...
В темной горнице молчанье,
Только тихое лобзанье
И неясные слова
Были слышны раза два.
После, тенью боязливой,
Кто-то, чудилось мне,
Осторожно и счастливо,
При мерцающей луне,
Пробирался по стене.*

Издание «Арфы» ничем не лучше «Калья-

на» – только бумага почище. Для каждой пьесы заглавие на особенном листе, пробелы ужасные, словом, – все, что нужно для плохого издания. Те же опечатки, грамматические ошибки и тот же портрет, что и при «Кальяне», и с тем же пошлым выражением в лице. И это красавец Полежаев!.. Желательно, чтобы кто-нибудь издал хорошенько лучшие стихотворения Полежаева; без балласта, без переводов из Ламартина и Делавиня и без сатирических пьес, из них набралась бы порядочная книжка.

Сноски

1

Не понимаем, для чего автор прибавил к этим прекрасным и полным стихам следующие два плоские стиха:

*На чувствительный напев{13}
Девяностолетних дев? —*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

А. Н. Полежаев был отдан в солдаты за поэму «Сашка» (1825) и умер от чахотки в январе 1838 г. О «другой» его славе, кроме поэтической, см. у А. И. Герцена в «Былом и думах» («Прибавление» к части первой – «А. Полежаев»). Рецензируемые Белинским сборники стихотворений Полежаева были изданы уже после смерти поэта. «Кальян» в 1838 г. вышел третьим изданием (первое – в 1833 г., второе – в 1836 г.).

[^^^]

2

Слова из баллады Жуковского «Теон и Эсхин».

[^^^]

3

Более верное понимание творчества Полежаева Белинский высказал в обстоятельной критической статье «Стихотворения Полежаева» (1842) – наст. изд., т. 5.

[^^^]

Это определение Гете содержится в книге И.-П. Эккермана (о ней см. прим. 2 к заметке «Г-н Сосницкий на московской сцене в роли городничего»): «Поэты все пишут так, как будто бы они больны и как будто бы весь мир – это лазарет. Все они говорят о страданиях и земной юдоли и о потусторонних радостях. Будучи и без того недовольными, они подстегивают друг друга, стараясь раздуть это недовольство еще больше. Это сущее злоупотребление поэзией, которая собственно ведь для того и дана нам, чтобы сглаживать маленькие житейские невзгоды и примирять нас с миром и судьбою». И дальше: «Я нашел хорошее слово, – сказал Гете, – чтобы позлить этих господ. Я хочу их поэзию назвать «лазаретной» поэзией» (цитируется по кн.: И.-П. Эккерман. Разговоры с Гете в последние годы его жизни, с. 377, 378; соответственно немецкое издание – Лейпциг, 1836, с. 182–183).

5

Цитируется стихотворение «Ожесточенный», отсутствующее в рецензируемых Белинским сборниках 1838 г., но хорошо ему известное по первому изданию «Стихотворений А. Полежаева», М., 1832.

[^^^]

6

Стихотворение «Вечерняя заря» в сборники 1838 г. также не вошло. Впервые оно было напечатано в журнале «Галатее», 1829, ч. I, № 3 под названием «Вечер» и перепечатано в «Стихотворениях А. Полежаева» (1832).

Строка 16 в сборнике 1832 г. читается: «К шумной воле любовь», в «Галатее» – как у Белинского; следовательно, Белинский цитирует «Вечернюю зарю» по памяти – так, как он запомнил ее в ранней юности по первопечатному тексту.

«Вечерняя заря» Полежаева – одно из любимых и неоднократно цитировавшихся Бе-

линским стихотворений.

[^^^]

7

«Ночь на Кубани» вошла в издание «Стихотворения А. Полежаева» (1832).

[^^^]

8

Стихотворение «Провидение» Белинский также цитирует по сборнику 1832 г.

[^^^]

9

Из стихотворения «Раскаяние» (цитируется по сборнику «Кальян»). В рецензии на второе издание «Кальяна» Белинский определил «Раскаяние» как «лучшее стихотворение» в сборнике (Белинский, АН СССР, т. II, с. 105).

[^^^]

10

В № 20 за 1838 г.

[^^^]

11

Полежаев перевел следующие поэмы Ламартина: «La mort de Socrate» («Смерть Сократа»), «Epietre a lord Byron» («Человек. Послание к Байрону») – вошли в «Стихотворения А. Полежаева»; «Ode a Bonaparte» («Бонапарту») – вошла в сборник «Кальян» и др.

[^^^]

12

Стихотворение «Грусть» и упоминаемое далее стихотворение «Черные глаза» были напечатаны Белинским в «Московском наблюдателе», 1838, ч. XVI, март, кн. 2.

[^^^]

В цитируемом тексте: «распев».

[^^^]

[^^^]